

Глава 3: Свидание вслепую

Шэнь Чии не успел обдумать смысл этих слов.

Кончики пальцев мужчины двигались медленно, словно заменяя ему глаза: он очерчивал контуры его щек и губ, «рассматривая» каждую черту одну за другой. Внезапно рука замерла.

Хватка резко затянулась, пальцы мертвой хваткой впились в подбородок Шэнь Чии.

Губы, что только что замерли в миллиметре от его собственных, прижались в поцелуе, бесцеремонно проникая внутрь.

Шэнь Чии оцепенел.

Незнакомец без лишних слов наглядно продемонстрировал, что именно имел в виду.

И все же казалось, что он целуется впервые в жизни. Оправившись от минутного замешательства, он начал исследовать его рот — медленно и расчетливо.

Это уже не было похоже на сокрушительный штурм, как мгновениями ранее. Но Шэнь Чии, обессиленный ядом и неспособный сопротивляться, чувствовал себя так, словно его живьем положили на разделочную доску мясника. В его беспомощности это осторожное исследование казалось игрой хищника с добычей.

Щеки горели, будто их опустили в кипяток. В тусклом лунном свете его лицо стало пунцовым, даже кончики ушей пылали от прилившей крови. Задышавшись, он наконец улучил момент, чтобы выдать сквозь прерывистый вдох:

— Му... Брат Му...

Слова сорвались с губ, и он осознал, что к нему действительно начали возвращаться силы.

Доказательство того, что Му Чэньсюэ не солгал.

Но всё же —

Это, вот это всё —

Даже если он и питал чувства к брату Му...

В смятении Шэнь Чии попытался вырваться.

Мужчина держал его крепко.

— Яд проник слишком глубоко. Одного этого едва ли хватит. Токсин всё еще в тебе. Не двигайся.

Слова были теми же, что и раньше, но из них исчез налет вежливости — голос стал низким и тяжелым.

Шэнь Чии и не собирался сопротивляться. Он не был дураком, который предпочтет гордость собственной жизни.

Только вот...

Что значит «одного этого едва ли хватит»?

Неужели для исцеления необходимо... полное слияние плоти?!

Но ведь они с Му Чэньсюэ были просто друзьями — ни обязательств, ни свадебных даров, ни знакомства с семьями. И вот так, среди бела дня — ну, не совсем дня, но всё же... неужели он действительно собирается воспользоваться им под предлогом очищения от яда?

Он пришел спасти красавца, а в итоге сам оказался загнанным зверем, выставленным на потеху.

— Подожди, — его голос звучал слабо и хрипло, в груди всё еще давила тяжесть. — Дай мне... минуту...

Му Чэньсюэ сидел спиной к окну, и лунный свет не позволял разглядеть его лица. Шэнь Чии не видел, какое выражение сейчас у этого человека, чья чистота всегда напоминала сияние луны. Он слышал лишь его дыхание — более неровное, чем обычно.

Впрочем, сам Шэнь Чии был на грани паники. Стараясь не задеть раненую руку мужчины, он неловко завоzilся в объятиях Му Чэньсюэ, пока наконец не нащупал и не отвязал саше у себя на поясе.

Этот мешочек был не просто украшением.

Внутри, среди ароматных трав, лежал документ с личной печатью принца Цана и официальным клеймом префектуры Цан.

Династия Великая Син строго контролировала перемещения между провинциями. Шэнь Чии, будучи наследником Цана, редко показывался на глаза мелким чиновникам. Если бы он попал в беду, путешествуя в одиночку, доказать его личность было бы непросто, поэтому он всегда носил этот документ как страховку. Эта бумага была его единственным удостоверением.

Он никогда не говорил Му Чэньсюэ, кто он такой на самом деле. И его нерешительность имела веские причины.

Он был посмертным сыном покойного принца Цана и должен был унаследовать титул еще при рождении. Но императорский двор тянул время, заявляя, что он слишком молод, и указ так и не пришел. Девятнадцать лет он носил звание наследника в пустом поместье без князя — явный признак немилости трона. Возможно, они просто ждали его ошибки, чтобы окончательно отобрать титул.

Когда он случайно встретил Му Чэньсюэ, он не посмел ставить судьбу всего дома принца Цана на карту слепого доверия. К тому же, официально он всё еще «лечился» в префектуре Цан. Если бы кто-то в префектуре Янь узнал его, это сочли бы преступлением — обманом императора.

Он планировал открыться постепенно. Но как объяснить всё это сейчас?

Среди сильных мира сего в Син многие увлекались мужчинами, но чаще всего видели в них лишь игрушки. Если он скажет что-то не то, брат Му может принять его за одного из тех похотливых распутников...

В панике Шэнь Чии не придумал ничего лучше, кроме как выразить свои намерения через этот мешочек. Содержимое саше не только подтверждало его статус, но и давало доступ к сокровищнице принца Цана.

Сейчас он не мог организовать пышную свадебную процессию длиной в десять ли или поднести горы золота для официального предложения. Пусть эта вещь послужит временным брачным даром.

— Это тебе... — прошептал он.

Руки, что когда-то уверенно держали меч, теперь дрожали от яда. Пальцы не слушались, он долго возился с узлом, пока наконец не прикрепил саше к поясу мужчины. Мешочек повис рядом с маленьким вышитым кисетом, который Му Чэньсюэ всегда носил с собой.

Шэнь Чии отпустил руку. Саше качнулось, издав едва слышный шорох ткани.

— ...Этого достаточно? — спросил он.

Лунный свет не достигал его глаз, оставляя их в тени и скрывая все мысли.

Еще до того, как Шэнь Чии ворвался в комнату, он почувствовал присутствие убийцы. Но вместо того чтобы сразу устранить угрозу, он намеренно позволил тому издать звук, чтобы приманить юношу, который теперь прижимался к его плечу. Он намеренно позволил ему увидеть свою отчаянную, беспощадную сторону. Всё из-за тайного ожидания, которое он не мог в себе подавить.

Он ожидал, что этот молодой человек, который был с ним неразлучен последние месяцы, поддастся страху. Что он использует всё, что узнал, как рычаг давления, потребует противоядие и покажет свою истинную натуру.

До этого момента.

Скрыв лицо в тени, он молча ждал реакции Шэнь Чии, ждал, когда тот проявит себя — так же, как и все остальные. Боль от старой болезни и свежих ран жгла его, делая восприятие невероятно четким.

И тут — он почувствовал, как юноша привязывает что-то к его поясу, и услышал этот запинаящийся вопрос.

Он действительно вежливо спрашивал разрешения, чтобы помочь ему вывести яд.

— А если я скажу «нет»? — голос Му Чэньсюэ стал еще глуше и темнее, будто он сдерживал что-то, чему сам не знал названия. Возможно, это была боль, или приступ болезни, или какая-то мысль, которую он не решался озвучить. — Тогда ты предпочтешь не лечиться?

— Разумеется... — выдохнул Шэнь Чии.

Он заметил, как лицо мужчины застыло.

«Любовь между людьми должна быть взаимной... Воля брата Му — вот что важнее всего. Как я могу, просто потому что я отравлен, принуждать тебя...»

Так... возможно это или нет?

— Нет.

Шэнь Чии замер. — Тогда, полагаю, мне пора подумать о предсмертных словах...

Долгое мгновение лицо мужчины оставалось непроницаемым. Затем он внезапно рассмеялся — смехом, который, казалось, выветрил из комнаты запах крови и разогнал тени по углам. Одним движением он подхватил Шэнь Чии и уложил его на постель.

Шэнь Чии, чье тело было вялым и слабым, почувствовал, как мир кружится, пока над ним не навис Му Чэньсюэ, заслонив собой всё остальное.

— Раньше я всегда... трижды думал, прежде чем действовать. Но —

Что «но»?

Он услышал шепот прямо у своего уха:

— Да.

Буквально мгновение назад он сказал «нет».

Какой же он непостоянный и непредсказуемый!

Шэнь Чии, зажатый в этом тесном пространстве, едва мог пошевелиться. Он смутно чувствовал, что что-то идет не так, но времени на раздумья не было. Густо краснея, он поспешно пробормотал:

— Мазь! Я не взял мазь... в аптечке должна быть мазь для заживления ран —

Движения мужчины замерли. Сделав несколько глубоких вдохов, он нахмурился:

— Ты ранен?

— Нет, не ранен, но раз уж мы оба мужчины... когда дело доходит до постельных утех... нужно использовать такие вещи...

Раньше, когда он таскался за легкомысленными молодыми господами в «дома удовольствий», он видел, как те нанимали юных актеров. Некоторые даже приносили свои секретные мази, утверждая, что у каждой свой эффект. Он видел это достаточно часто, чтобы понимать их назначение.

В панике Шэнь Чии потянулся за лекарствами.

— Без нее я боюсь поранить... тебя.

В ответ он услышал голос, намеренно пониженный до шепота, в котором сквозила сдержанная ярость, которую Шэнь Чии то ли не понял, то ли не расслышал:

— А ты, я смотрю, много знаешь.

Слепой мужчина не дал ему пошевелиться. Вместо этого он сам нащупал среди разбросанных у кровати лекарств нужные баночки и внезапно швырнул несколько горшков с мазями от ушибов и травм на постель.

Тревожное чувство только росло.

И лишь когда он обнаружил себя смотрящим на другого снизу вверх, до него внезапно дошло, где именно он просчитался.

Он вскрикнул:

— Но это не я должен—!

Договорить ему не дали — кто-то наклонился и запечатал его слова поцелуем.

Яркая луна проплыла по небу, звезды склонились к западу, нефритовое озеро коснулось горизонта, и на востоке показалась бледная белизна рассвета. Утренний ветерок зашелестел ветвями, и мир смертных снова обрел краски жизни.

— ...Молодой господин? Молодой господин?

Он не понимал, чей это голос, проникающий в уши, словно тяжелый туман — то ли реальный, то ли призрачный.

Шэнь Чии шевельнулся и пришел в себя.

В то же мгновение вернулись и чувства. Всё тело ныло так, будто его вымочили в уксусе; волна ломоты накрыла его с головой. Сознание всё еще было затуманено. Спустя долгое время он

медленно открыл глаза.

Перед ним в утреннем свете колыхались белые занавески.

Он лежал в постели в каюте Му Чэньсюэ на прогулочном судне. Золотой фонарь в виде журавля, поврежденный вчерашним ударом меча, подобрали и поставили у кровати. На одном из расправленных крыльев виднелась глубокая зазубрина от клинка. Но самого меча нигде не было.

Увидев, что он открыл глаза, У Лин с облегчением воскликнул:

— Вы наконец проснулись!

Не просто проснулся — яд в его теле был полностью нейтрализован.

Не раздумывая, он резко сел. Это было привычкой: каждое утро он вскакивал бодро и легко. Но в следующую секунду резкая боль прошла тело. Он зашипел и поспешно привалился к спинке кровати. Воспоминания о второй половине ночи нахлынули на него.

Прошлой ночью он думал, что яд вынуждает его переступить черту с «красавцем». Но Му Чэньсюэ, несмотря на свою болезнь и раненую руку, откуда-то взял силы, чтобы прижать его к матрасу. Каждое его движение было точным и контролируемым, словно он использовал лишь крупицу силы, чтобы сдвинуть гору. Он явно владел боевыми искусствами!

А сам он, ослабленный ядом и боявшийся повредить рану Му Чэньсюэ, оказался полностью в его власти.

А после —

После этого все те баночки с мазью были использованы на нем самом. Все до единой.

В полночь, когда У Лин пришвартовал баржу, он даже стучал в дверь. Но в то время они с Му Чэньсюэ уже были... Ему пришлось в спешке кричать, чтобы тот уходил.

Пока он не провалился в сон от изнеможения, в каюте оставались только он и Му Чэньсюэ. Он даже... уснул в его объятиях.

Проснувшись сейчас, он не чувствовал яда и был полностью одет в ночное платье... Кто знает, как брат Му, будучи слепым, приводил всё в порядок этой ночью...

При мысли об этом перед глазами вставали слепые глаза мужчины, обращенные к нему, и те неловкие, путанные вопросы, что он задавал.

Он и Му Чэньсюэ —

То, что он наконец-то разделил ложе с красавцем, которым восхищался, должно было стать радостным событием. Но процесс... результат...! Как всё могло так обернуться?!

Яд ушел, но у Шэнь Чии потемнело в глазах. Воспоминания, которые он не смел ворошить,

хлынули потоком, и молодой наследник поглубже зарылся в одеяло. У Лин, видя комок из одеял на месте хозяина, встревоженно позвал:

— Молодой господин!

В углу постели показалось пунцовое лицо.

Но Шэнь Чии, словно черепаха, которая не может вечно прятаться в панцире, вскоре снова начал беспокоиться о врагах Му Чэньсюэ.

Прошлая ночь была сущим хаосом, и они даже толком не поговорили. Теперь, когда он обдумал всё на свежую голову — если Му Чэньсюэ мастер боевых искусств, а в его крови течет смертельный яд, то у убийцы изначально не было шансов. А он, самоуверенный дурак, решил, что красавцу нужна помощь, и в итоге стал обузой, даже... Если Му Чэньсюэ спас его просто из доброты... то какая разница между этим и тем, чтобы переспать с названным братом ради исцеления?!

Голова пошла кругом.

— Где брат Му? — спросил он.

У Лин, на удивление, не стал подшучивать над ним. Вместо этого он серьезно ответил:

— Он снаружи. Только что прибыли люди. Говорят, что они из семьи молодого господина Му. Они даже забрали тело вчерашнего убийцы. Сейчас господин Му говорит с ними.

Шэнь Чии замер.

Семья Му Чэньсюэ?

Вчера на судно напал убийца, а сегодня утром, спустя месяцы тишины, объявляется его семья, да еще в таком количестве? Все эти месяцы Шэнь Чии проводил с ним дни и ночи. Даже Новый год они встретили вместе на лодке. И ни разу Му Чэньсюэ не обмолвился о своих родных.

И вот теперь они возникли из ниоткуда.

У Лин добавил:

— Когда господин Му выходил, он велел мне не беспокоить вас. Я хотел подождать, пока вы проснетесь. Но только что на нос лодки сел почтовый голубь. Письма нет, только полоска черной ткани на левой лапке.

Лишние мысли мгновенно испарились, и краска сбежала с лица Шэнь Чии. Взгляд стал тревожным.

Черная ткань на левой лапке — секретный сигнал от его информатора во дворце. Почтовые голуби ненадежны, письма легко перехватить. Новости, которые он ждал, касались придворных интриг и волнений в столице — слишком опасно доверять их бумаге напрямую. Поэтому отчеты из дворца сначала маскировались под обычные письма и отправлялись на

местную почтовую станцию. Голубь же служил сигналом, что пора забирать послание.

Белая ткань означала обычные новости.

Но черная — «Чрезвычайная срочность!»

Неудивительно, что У Лин поспешил его разбудить. Но что могло случиться так внезапно? Какое дело в столице могло касаться его, наследника принца Цана, который даже не получил титул отца? По сюжету, наследный принц должен был только-только скончаться. Дворец должен быть в хаосе — кому придет в голову вспоминать о далекой префектуре Цан?

Он ломал голову, но не находил ответа. Торопливо выбравшись из-под одеяла и игнорируя боль в теле, он накинул верхние одежды, поданные У Лином. Затягивая пояс, он машинально потянулся к саше, которое всегда носил с собой —

Но рука наткнулась на пустоту.

Прошлой ночью он отдал его Му Чэньсюэ в качестве брачного дара.

«...»

Стиснув лоб ладонью, он заставил себя сосредоточиться.

— Когда прилетел голубь?

— Только что. Как только я его увидел, понял, что нельзя терять ни минуты.

Пока они говорили, Шэнь Чии подошел к двери и замер, услышав голоса снаружи. Люди, искавшие Му Чэньсюэ, его еще не видели, а он понятия не имел, что у того за семья. Немного поколебавшись, он попросил У Лина принести его шляпу с вуалью. Только скрыв лицо, он вышел наружу.

— Со мной всё в порядке, — бросил он коротко. По правде говоря, ран на нем не было — только следы «непотребств». — Черную ткань не используют по пустякам. Во дворце случилось что-то из ряда вон выходящее, и это связано с домом принца Цана. Отправляйся на почтовую станцию и принеси мне известия как можно скорее.

Лицо У Лина стало суровым:

— Слушаюсь.

Шэнь Чии остановил его в последний момент:

— И купи двух добрых коней по дороге.

Кто знает, не придется ли им гнать всю ночь обратно в поместье? У Лин кивнул, оттолкнулся от палубы и одним плавным движением скользнул по воде на берег, скрывшись в мгновение ока.

На сердце у Шэнь Чии было тяжело. Если дело пометили как «чрезвычайно срочное», вряд ли всё решится одним письмом. Что бы там ни было написано, ему, скорее всего, придется немедленно вернуться домой.

Проводив взглядом У Лина, Шэнь Чии повернулся к павильону на лодке.

Сквозь белую марлю он увидел троих мужчин.

В центре стоял Му Чэньсюэ. В последние дни его зрение начало восстанавливаться — достаточно, чтобы различать неясные тени и цвета. Он больше не нуждался в постоянных лекарствах, только в свежей присыпке для глаз по утрам. Сейчас с черной повязкой на глазах он выглядел величественно и элегантно. Впереди было озеро — один неверный шаг, и можно упасть, но этот человек спокойно стоял у перил с безмятежным лицом.

Утренний ветер первого месяца кусался холодом. На Му Чэньсюэ был роскошный черно-золотой плащ — вероятно, принесенный его людьми, — меховой воротник которого время от времени касался его подбородка.словно слива, цветущая в мороз, или орхидея, которой любят в уединении...

Он был воплощением того благородного мужа, которого знал Шэнь Чии.

Совсем не похож на того, кем был ночью.

Впрочем, ночью он сам был одурманен ядом и пребывал в беспомощности. Его воспоминания перепутались и были ненадежны. Он ни в чем не мог быть уверен. К тому же, яд в крови Му Чэньсюэ был слишком странным. С тех пор как Шэнь Чии попал в этот мир, он никогда о таком не слышал. Да и этот метод очищения...

Шэнь Чии остановился, не доходя до павильона. Из двоих мужчин рядом с Му Чэньсюэ один был в малиновых одеждах и выглядел как ученый, волосы его были собраны в корону. Он воскликнул в тревоге:

— Как ваша рука оказалась так сильно ранена? Это тот убийца? Кто-нибудь еще приближался к вам?

«Кто-то еще» действительно приближался.

Оба мужчины обернулись, когда Шэнь Чии сделал шаг вперед. Му Чэньсюэ, казалось, тоже почувствовал его присутствие. Он слегка повернул голову, игнорируя вопрос человека в малиновом, и произнес спокойно:

— Вы только нашли меня, а убийцы подсланы уже прошлой ночью.

Другой мужчина, одетый в черное боевое облачение и явно старший из троих, побледнел. В следующее мгновение он рухнул на колени:

— Внутри есть предатель, передающий вести. Подчиненный немедленно всё расследует!

Му Чэньсюэ едва заметно кивнул. Мужчина в черном поднялся, сложил руки в приветствии и прошел мимо Шэнь Чии к выходу. Когда он поравнялся с ним, Шэнь Чии, скрытый вуалью, не удержался и открыто впился взглядом в его лицо.

Аура жестокости, исходившая от него, превосходила даже ту, что была у вчерашнего нападавшего. Этот человек явно убивал, и не раз.

Шэнь Чии внутренне напрягся.

Враги, достаточно богатые, чтобы нанимать элитных убийц. Подчиненные, по которым видно, что они лишили жизни не одного человека... Тело, пропитанное странным ядом, возможно, с самого детства...

Так ли проста эта «купеческая семья» брата Му?

Не кажется ли всё это... слишком подозрительным?!

<http://bllate.org/book/15473/1574405>